

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Архипова А.С., Радченко Д.А.

**Мне стыдно ЗА... VS Я ГОРЖУСЬ...:
история как обвинение и оправдание в публичных
политических акциях**

Москва 2018

Аннотация. Принимая тезис, что политическая борьба представляет собой, в значительной степени, игру, ставкой в которой выступает возможность навязать другим свою картину мира как легитимную и общепринятую (П. Бурдьё), мы можем рассматривать публичные акции, посвященные актуальным политическим проблемам, как "ходы" в этой игре, в которых предлагаются конкурирующие версии настоящего, прошлого и будущего. Наиболее эксплицитно позиция группы выражается в ходе ее публичных выступлений (митингов, маршей и др.). Набор лозунгов, символов, действий, наблюдаемых на каждой публичной акции, позволяет нам реконструировать основные нарративы соответствующей политической силы (партии, движения). В статье на основе количественного анализа базы лозунгов и символов, собранных на публичных акциях 2011-2016 годов, определяется, каким образом различные политические силы синтезируют в своих нарративах и символах противоречивый исторический опыт страны.

Архипова А.С. старший научный сотрудник, лаборатория теоретической фольклористики, ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Радченко Дарья Александровна, старший научный сотрудник, лаборатория теоретической фольклористики, ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2017 год

Содержание

Вступление	4
Исторический контекст протеста 2011-2016 годов и типы публичных политических акций.....	4
Методы исследования: публичная акция как коммуникативный акт.....	8
«Историческая парадигма» как интерпретационный ресурс	10
Грамматика исторических парадигм, или как митинги говорят о прошлом	14
Зависит ли исторический дискурс от типа политической акции?	23
«Новый язык» для описания новой реальности: заключение	28

Вступление

В сентябре 2014 года наша исследовательская группа проводила исследования на Марше Мира в Москве и Петербурге, направленном против войны на Украине. Мы были поражены, встретив лозунги, которые до этого нам попадались крайне редко, например: *Мне стыдно за 1939, 1968, 2014*. После 2014 года почти ни один исследованный нами митинг в крупных городах России уже не обходился без отсылок к истории. Такое стремление описать текущую политическую повестку через исторические аллюзии вряд ли возникает случайно. Интерпретации этого явления – как и почему возникают подобные лозунги – и посвящена наша статья.

Исторический контекст протеста 2011-2016 годов и типы публичных политических акций

С начала 2000-х годов, периода так называемой «путинской стабильности», и до 2011 года политический и экономический протест не вызывал массового интереса СМИ и общества. Он воспринимался большинством населения как удел маргинальных или локальных сообществ (националистические группировки, небольшие группы оппозиционных активистов, недовольные пенсионеры, экономические протесты во Владивостоке в 2008 и в Калининграде в 2009-2010 гг.). Редким исключением стали массовые события на Манежной площади в Москве в декабре 2010 года, вызванные убийством футбольного болельщика группой выходцев с Северного Кавказа.

Зимой 2011-2012 года результаты выборов в парламент спровоцировали активный гражданский протест (для многих неожиданный), который в начале 2012 года вылился в протест против нового избрания Путина. Этот момент считается точкой отсчета для современной протестной активности в России¹ – не только из-за массовости, но и из-за того, что участие в публичных политических акциях перестает быть маргинальным действием, а становится частью городского тренда (например, модные лайф-стайл журналы „Афиша“ и „Большой город“ публикуют большие статьи „как правильно одеться на митинг“). Эта волна протеста закончилась принятием ряда репрессивных законов, усложняющих проведение публичных политических акций и ужесточающих ответственность за них.

---

¹ Arkhipova, Alexandra & Mikhail Alekseevsky, eds. (2014). *«My ne nemy!»: Antropologija protesta v Rossii 2011-2012 godov* [We Are Not Numb! Anthropology of Remonstrance in Russia in 2011–2012]. Tartu: Estonian Literature Museum.

В 2012-2013 году протестная активность, хотя и снизилась значительно по сравнению с зимой 2011-2012, тем не менее существовала и была значительно выше уровня до 2011 года.

Начиная с 2012 года в социальной сфере происходят реформы здравоохранения и образования, направленные на сокращение рабочих мест, а также изменения в сфере международного усыновления («закон Димы Яковлева») – они вызывают значительную волну социальных протестов.

В начале 2014 года в связи с событиями аннексией Крыма и последующим российско-украинским конфликтом уличная политическая активность вновь усиливается, причем в обе стороны. Сторонники оппозиции выступают за прекращение конфликта и соблюдение международных норм права, в то время сторонники действующей власти, поддерживая присоединение Крыма акциями и пикетами, определяют вхождение Крыма в состав РФ как его “возвращение на родину” и свершившуюся историческую справедливость. Рейтинг Путина взлетает до исторического максимума (август 2014 – 87 % по социологическим данным “Левады-центра”).

Весной 2014 США и ряд стран Евросоюза вводят экономические санкции против России, а в ответ на это Россия ограничивает импорт определенных товаров из Европы, что также вызывает ряд публичных политических акций pro и contra.

Параллельно проходят традиционные публичные акции крайне правых и крайне левых сил – от празднования 1 мая левыми до так называемого “Русского марша” националистов, в отношении которых вряд ли можно говорить о серьезной количественной динамике.

Новая волна политического протеста связана с убийством 27 марта 2015 года оппозиционного политика Бориса Немцова. Он становится «иконкой» либерального протеста. Начиная с 2012-2016 годов, вновь значительно ужесточаются административные наказания за участие в несанкционированных акциях и пикетах – как на уровне правовых норм, так и на уровне правоприменения.

В социальный протест с 2016 года включаются дальнобойщики (водители тяжелого транспорта), которые протестуют против введения большого налога на дороги.

Исследовательский материал в статье ограничен 2016 годом, однако в 2017 году расследования «Фонда борьбы с коррупцией», возглавляемого Навальным, дает толчок к проведению новых массовых протестных акций, в том числе с вовлечением большого количества молодежи.

Формат участия в публичных политических акциях в период с 2011 до 2016 года претерпел значительные изменения. Это стало не только способом выражения политической позиции, но и способом укрепления социальных связей и даже формой проведения досуга.

Таков вкратце исторический и политический контекст тех политических публичных акций, которые стали объектом изучения группы МАФ.

Изучаемые нами акции можно разделить на четыре основных типа, в зависимости от доминирующей политической повестки мероприятия.

Лоялистские публичные акции. Прежде всего, к актуальным провластным (мы называем их «лоялистскими») политическим акциям мы относим акции движения «Антимайдан», появившегося в начале 2015 года. Его целью является «патриотическое» противодействие протестному движению («Майдану» и «цветным революциям»), которое активисты «Антимайдана» называют «инспирированным Америкой и НАТО». Подобные цели преследуют Народно-освободительное движение (НОД), которое появилось в 2012 году и до начала украинских событий 2014 года не слишком активно участвовало в уличных протестах. Особенности НОД являются безоговорочная поддержка политического курса Владимира Путина (в частности, присоединения Крыма и помощи Новороссии) и резкая антизападная риторика. Сторонники НОД выходят с политическими заявлениями как во время собственных массовых акций, так с отдельными пикетами. Так же для них характерна такая специфическая форма коммуникации, как приход со своим политическим высказыванием на митинг оппозиционной направленности.

Наконец, еще одним выражением лояльности действующей власти являются ежегодные митинги-концерты в поддержку присоединения Крыма, которые прошли в 2014 – 2016 годах в разных городах России. Хотя они организованы с использованием административного ресурса и участие в них колонн от бюджетных организаций обязательно, часть участников приходят сами и относятся к этому действию как к городскому празднику.

Оппозиционные публичные акции. К акциям этой группы мы относим публичные выступления, направленные на критику внешней и внутренней политики РФ и/или на выражение солидарности с лидерами “внесистемной” (непарламентской) оппозиции. Многие участники подобных акций считают себя продолжателями «белоленточного протеста» зимы 2011 – 2012 года, поскольку в тогда “белая лента” была символом “честных выборов”. Этот артефакт во многих случаях стал обозначать принадлежность человека к демократической оппозиции².

На данный момент самые массовые акции этого типа – это траурные марши с сильной политической повесткой, посвященные памяти убитого 27 февраля 2015 года оппозиционного политика Бориса Немцова. Первые марши прошли через два дня после

---

² Titkov, Aleksej (2016). *Belaja lenta 2011-2012 godov: politicheskij simvol v povsednevnom okruzenii* [The White Ribbon of 2011-2012: Political Symbol in Everyday Context]. In: *Gorodskie teksty i praktiki* [The urban texts and practices] Vol. I: *Simvolicheskoe soprotivlenie* [The symbolic resistance]. Moscow: RANEPa, pp. 69-84.

гибели Немцова в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других городах (например, Вологда, Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург, Сочи). В 2016 и 2017 годах марши и митинги памяти Немцова повторились в годовщину его смерти³. Проведение маршей памяти Немцова часто сталкивается с затруднениями. В 2016 г. активистами в городе Вологда была подана заявка на проведение марша памяти Немцова, однако она была отклонена местными властями. Тогда активисты предложили провести митинг у памятника жертвам политических репрессий, формально не имеющего привязки к Немцову. Таким образом, акция памяти жертв политических репрессий стала фактически коммеморативной акцией, посвященной памяти Немцова.

К этой же группе относятся акции, связанные с оппозиционным политиком Алексеем Навальным – как организованные им самим и его группой (например, акция объединенных оппозиционных сил, прошедшая 20.09.2015 в Москве), так и нацеленные на его защиту от судебных преследований. Стоит отметить, что самые популярные акции Навального, посвященные борьбе с коррупцией в элитах, произошли уже за пределами исследуемого периода, в марте и в июне 2017 года.

Шествия и митинги левых и правых организаций. Это регулярные партийные акции «новых левых», представляющих демократическую альтернативу парламентской Коммунистической партии (КПРФ), а также оппозиционной части русских националистов и правых радикалов, выступающих против режима Путина и войны с Украиной. Основными мероприятиями таких сил служат ежегодные шествия на 19 января и 1 мая (левые) и 4 ноября (правые).

Социальные митинги. К этой группе мы относим акции врачей, учителей, дальнобойщиков, пенсионеров и других профессиональных сообществ или социальных групп, которые стали проходить активно с 2014 года.

Дальнобойщики начали устраивать массовые акции в ответ на угрозу введения высокой платы за проезд грузовых машин по федеральным трассам (так называемая система “Платон”). В течение года, пока шли массовые протесты дальнобойщиков, в российском обществе сложился образ “простого мужика”, который выражает свое недовольство действиями власти⁴. Такой образ весьма важен для социального протеста.

---

³ Jugaj, Elena, Krylova, Anna & Alexandra Arkhipova (2016). «Vyzov» i «maskirovka»: politicheskij aktivizm v malen'kom gorode [The “Challenge” and the “Disguise”: Political Activism in a Provincial Town]. In: *Gorodskie teksty i praktiki* [The urban texts and practices] Vol. I: *Simvolicheskoe soprotivlenie* [The symbolic resistance]. Moscow: RANEPА, p. 225.

⁴Radchenko, Darja (2016). Soprotivlenie protestu: obsuzhdenie «Antiplatona» v moskovskoj probke [Resisting Protest: Discussion of “AntiPlaton” in Moscow Traffic Jams]. In: *Gorodskie teksty i praktiki* [The urban texts and practices] Vol. I: *Simvolicheskoe soprotivlenie* [The symbolic resistance]. Moscow: RANEPА, pp. 174-186.

Социальные акции могут быть направлены против уменьшения государственного финансирования той или иной сферы (образования, медицины), против ликвидации льгот и других социальных реформ. Формально они не связаны с основной политической повесткой, но фактически часто включают политические заявления и требования.

Методы исследования: публичная акция как коммуникативный акт

Начиная с 2011 года и по сей день группа антропологов, фольклористов, социологов и культурологов ведет исследования на митингах, шествиях, пикетах, которые являются неотъемлемой частью современной политической и социальной жизни. Результаты этих наблюдений за 2011-2012 года отражены в книге «Антропология протеста в России: 2011-2012 годы»⁵; современное состояние явных и скрытых форм российского протеста обсуждаются в коллективной монографии «Символическое сопротивление»⁶.

Единицей исследования группы «Мониторинг актуального фольклора» служат *сильные высказывания* (тексты лозунгов, изображения и артефакты), собранные за 2011-2016 года на более чем на 100 публичных акциях самой разной направленности и различного характера: это шествия, митинги, пикеты в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Севастополе, Вологде, Казани, Туле и других городах.

Наша исследовательская группа рассматривает публичную политическую акцию как коммуникативный акт в концепции Романа Якобсона⁷, согласно которой коммуникация может быть успешной, если присутствует адресант (*addresser*), который отправляет адресату (*addressee*) сообщение (*message*) с помощью одного или нескольких кодов (*code*). В нашем случае, придя на митинг, шествие или пикет, человек становится *адресантом политического высказывания* в сильной или слабой (нулевой) позиции.

Любой знак протеста, будь то значок с портретом Сталина, плакат *Путин, уходи!* или одежда в желто-голубой гамме (так участники многих акций, начиная с 2014 года, выражают поддержку Украине), мы называем *высказыванием в сильной позиции*, или просто *сильным высказыванием*. Такое *высказывание* может транслироваться с помощью вербального кода

---

⁵ Arkhipova, Alekseevsky eds. 2014. *Op. cit.*; см. также Titkov, Alexey (2016). *Vosstanie kulturnykh mekhanizmov: protest kak jazykovaja igra* [Culture Mechanisms in Rebellion: Protest as a Linguistic Game]. In: *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. № 2. Vol. 15, pp. 208 – 229.

⁶ Arkhipova, Aleksandra, Radchenko, Darja & Aleksey Titkov, eds. (2016). *Gorodskie teksty i praktiki* [The urban texts and practices] Vol. I: *Simvolicheskoe soprotivlenie* [The symbolic resistance]: the collective monograph. Moscow: RANEPa. 324 p.

⁷ Jakobson, Roman (1960). Closing statements: Linguistics and Poetics. In: *Style in language*. Cambridge Massachusetts: MITPress. P. 353

(плакаты), визуального (изображения), артефактного (одежда, значки, игрушки), акционального (участник митинга совершает перформанс) или любых их сочетаний.

Участники публичной политической акции, не имеющие явных знаков протеста, тем не менее тоже совершают высказывание – *нулевое высказывание*, поскольку они поддерживают повестку акции самым фактом своего присутствия.

Нулевое высказывание в нашем понимании аналогично *нулевому знаку* в работах структуралистов, в том числе Романа Jakobson⁸. Если, например, у русского слова «стол» и именительном падеже мы не видим окончания, то это еще не значит, что его нет. В этой форме у слова «стол» есть нулевая морфема, которая становится ненулевой, когда мы начинаем это слово склонять – *на столе, столом*. Именно наличие, пусть даже и нулевое, у слова, позволяет нам его изменять в зависимости от падежа. Ровно так же обстоит дело с *нулевым высказыванием* на публичной политической акции. Сам факт того, что человек ничего не держит в руках на митинге, указывает не на то, что у него *нет высказывания*, а на то, что оно *нулевое*: высказывание создается уже фактом присутствия и в любой момент нулевое высказывание может быть развернуто в полноценное сильное. Такой эффект, кстати, мы неоднократно наблюдали: человек, пришедший с пустыми руками на митинг, написал лозунг в айпаде и поднял его над головой или взял плакат у другого участника.

Например, в 2011 году человек выходит (и таким образом становится адресантом) на оппозиционную акцию с плакатом “Я вас не выбирал” и тем самым делает, в нашей терминологии, *сильное высказывание* с использованием *вербального кода*. Участник митинга в поддержку Украины может не иметь плаката в руках, но быть одетым в желто-голубые цвета (цвета государственного флага Украины), тем самым создавая *сильное высказывание* через артефактный код.

Группа «Мониторинг актуального фольклора» (МАФ) во время работы на публичных политических акциях ведет включенное наблюдение, фиксирует происходящее на фото и видео. Совокупность фотографий с сильными высказываниями после каждой акции обрабатывается и размещается в базе данных «Voices of protest»⁹. При этом в базе данных учитывается каждый человек, несущий сильное высказывание (значок, плакат, лента и т.п.). В случае, если на митинг вышли десятки человек с одинаковым сообщением, каждый из них будет отражен в базе как отдельный случай: таким образом возможно зафиксировать востребованность той или иной символики или сообщения.

---

⁸ Jakobson, Roman (1939). Signe zero. In: *Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally*. Genève, 1939, pp. 143-152

⁹ Прототип базы данных «Voices of protest» размещен в Исследовательском центре Восточной Европы при Бременском университете. Разработка базы данных ведется при поддержке DAAD и DFG (DiscussData-Project).

Также в ходе акции мы записываем небольшие интервью с носителями *сильных высказываний*, в ходе которых просим пояснить содержание того или иного лозунга.

Вербальные или невербальные сильные высказывания, закодированные в лозунгах и размещенные в нашей базе данных, мы анализируем методами корпусной лингвистики, предполагающими статистическую обработку. Наша цель заключается в дешифровке «голосов» митинга, исходя из совокупности его сильных высказываний.

«Историческая парадигма» как интерпретационный ресурс

Как уже было сказано в начале статьи, участники протестов все чаще обращаются к истории: из 6595 единиц уникальных¹⁰ *сильных высказываний*, собранных на 65 публичных акциях группой МАФ с зимы 2011 по осень 2016 года 18 % (то есть 1163 уникальных единицы) сравнивают современные события или политических лидеров с событиями и деятелями прошлого или содержат иные элементы исторической парадигмы.

От 2 %¹¹ до 6 %¹² текстов первых протестных митингов зимы 2011-2012 годов апеллируют к истории, то есть для первого этапа российских публичных акций такой тип высказывания был маргинален. Появление отсылок к истории усиливается после 2014 года. В сентябре на Марше Мира – массовой оппозиционной акции против войны на Украине – процент подобных высказываний поднялся до 12 %. В следующем, 2015 году, аналогичный рост исторических высказываний наблюдается уже не только на оппозиционных, но и на провластных акциях: так, на шествии движения «Антимайдан, было 11 % подобных высказываний, на акции в поддержку присоединения Крыма – 12 %; в то же время а на оппозиционном Марше памяти Немцова – 9 %. В 2016 году на самых крупных акциях – маршах памяти Немцова – зафиксировано еще больше исторических высказываний: 18 % в Петербурге и 16 % Москве. В *Табл. 2* отражена общая динамика количества высказываний, содержащих историческую парадигму.

---

¹⁰ Одно и то же сильное высказывание одного носителя на митинге может быть (и должно быть) зафиксировано наблюдателями группы МАФ несколько раз. После обработки в базу (и для дальнейшего анализа) в базу поступает только одна фотография с этим высказыванием. Ей присваивается уникальный номер. Это и есть уникальное сильное высказывание. В нашей статье при ссылке на полевые материалы цитируется номер фотографии, по которому ее можно опознать в базе данных.

¹¹ Данные с оппозиционного митинга, проходившего в Москве 6 мая 2012 г., накануне инаугурации Владимира Путина (этот митинг получил устойчивое название “Болотная” по месту проведения – Болотная площадь в Москве).

¹² Данные оппозиционного митинга 24 декабря 2011 года (Москва). Участники митинга выступали против фальсификаций на выборах в Государственную Думу.

Таким образом, в течение 2015-2016 годов память о прошлом (в особенности – о советском) вновь стала, в терминологии Яна Ассмана¹³, «горячей». Прошлого стало много не только в официальной политической риторике, но и в вернакулярных высказываниях по поводу текущей политической ситуации¹⁴. Участники публичных акций эксплуатируют прошлое как интерпретационный ресурс.

Вооруженный конфликт 2014 года на востоке Украины – яркий пример использования прошлого в качестве интерпретационного ресурса. Любая оценка этого конфликта (политическая, моральная, эмоциональная) предполагала «вписывание» его в знакомые исторические сюжеты и поиск исторической «моральной универсалии» для формирования отношения к событию¹⁵. Поэтому одни интерпретировали актуальные события в Донбассе как «наши против фашистов», то есть как продолжение Второй мировой войны; другие – как продолжение сомнительных военных операций СССР и России на чужих территориях (Венгрия 1956 г., Чехословакия 1968 г., Грузия 2008 г.); и наконец, третьи описывали эту ситуацию как новый эпизод «вечного» геополитического противостояния России и Запада. Таких исторических «кодов интерпретации» может быть еще больше, мы обрисовали только некоторые из них. Таким же нарушением рутины стали присоединение Крыма в марте 2014 года и убийство Бориса Немцова в феврале 2015 годов. В терминологии Рейнхарта Козеллека такие события описываются как *брешь в горизонте ожидания*¹⁶. Новый опыт никем не ожидаемых событий *преодолевают ограничение возможного будущего, предзаданного прежним опытом* (то есть приводит к переосмыслению прошлого). Одновременно новый опыт формирует новый горизонт ожиданий, новые представления о возможном / желаемом будущем. *Таким образом, временной прорыв ожиданий заново упорядочивает оба наши измерения [опыта и ожидания] по отношению друг к другу*¹⁷. Именно такой эффект вызвали внешнеполитические события 2014 года: носители полярных политических взглядов начали активно производить тексты, нацеленные на «сбалансировку» ожиданий и опыта, приведение

---

¹³ Assmann, Jan (2002). *Das Kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und Politische Identität in frühen Hochkulturen*. Munich: C.H. Beck.

¹⁴ В начале 1990-х некоторыми исследователями было замечено, что постоянные навязчивые обращения к истории являются свойством постсоциалистических стран: Esbenschade, Richard S. (1995). Remembering to Forget: Memory, History, National Identity in Postwar East-Central Europe. In: *Representations*. No. 49, Special Issue: Identifying Histories: Eastern Europe Before and After 1989 (Winter, 1995), pp. 72-96; Judt, Tony (1992). The Past Is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe. In: *Daedalus*. Vol. 121. No. 4. Immobile Democracy? Fall, pp. 83-118]. По выражению Тони Джудта, в этих странах *слишком много памяти, слишком много прошлого, к которому обращаются люди* [Judt 1992: 99].

¹⁵ Alexander, J.C. (2003) On the social construction of moral universals: the “holocaust” from war crimes to trauma drama. In: *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Oxford, NY: Oxford University Press, pp. 27–84.

¹⁶ Koselleck, Reinhart (1995). «Erfahrungsraum» und «Erwartungshorizont» — zwei historische Kategorien. In: Koselleck, Reinhart. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, pp. 349-377.

¹⁷ *Ibid.*

их “к одному знаменателю”, взятому из исторического прошлого. В результате участники митингов (и не только) используют историческое событие как интерпретационную схему, необходимую для прояснения ситуации в настоящем (например, как отсылку к историческим прецедентам: *2016 – новый 1937*).

Ровно так же, в 2014 года широко распространяется акция “Бессмертный полк”. Она была задумана в 2013 году как прнесение портретов участников войны их родственниками на День Победы 9 мая. Однако в 2014-2016 годах эта акция перестает быть чисто коммеморативной. Участники не только несут портреты, но и переодеваются в военную форму, устраивают полевые кухни, поют военные песни и проводят колонны пленных немцев. Таким образом, они повторяют войну и не даже не столько войну, сколько победу. Участники “Бессмертного полка” в Петербурге в 2016 году кричали “Можем повторить!”. Для многих участников “Бессмертного полка” такой проход вместе с символической заменой победителя (его портретом, открыткой, гимнастеркой) становится действенным способом вернуться в идеальное прошлое и там самым сжиться с действительностью, в которой есть и война на Украине, и западные санкции. Одна информантка 53 лет, участница “Бессмертного полка” в Киришах (Ленинградская область) в ответ на вопрос, что она испытывала во время прохода “Бессмертного полка”, сказала: *Гордость за Победу и чувство единения не только с теми, кто рядом в строю, но со всей страной — чего давно уже не испытывали!*. Другой участник «Бессмертного полка», участвовавший в акции в Ставропольском крае, ответил на тот же вопрос так: *Это чувство гордости, что я иду победным маршем вместе со своим дедом. Ведь это именно он отдал жизнь за меня, тогда ещё не родившегося. Чувство, что в моих жилах течет его кровь и та Великая Победа и моя тоже! Чувство единения поколений, чувство величия нашей страны-победительницы*¹⁸.

Роль истории как интерпретационного ресурса усиливается в тех случаях, когда публичная акция реагирует на какое-либо чрезвычайное событие, нарушение политической рутины, которое должно быть «сведено к известному», вписано в привычные рамки. В этом случае авторы лозунгов начинают оперировать набором исторических ассоциаций, воспринятых ими из различных источников — от школьного курса истории до современных медийных публикаций, — но в любом случае глубоко укорененных в социальной памяти и имеющих массовый характер.

Набор таких исторических ассоциаций ограничен.

---

¹⁸ Arkhipova, Alexandra, Doronin, Dmitry, Kirzyuk, Anna, Radchenko, Daria, Sokolova, Anna, Titkov, Alexey & Yugay, Elena (2017). *Vojna kak prazdnik, prazdnik kak vojna: Performativnaja kommemoracija dnja pobedy* [War as festival, festival as war: performative commemoration of victory day]. In: *Antropologicheskij Forum* [Forum for Anthropology and Culture]. № 33. pp. 84-122.

Некоторые лозунги, как правило, “Антимайдана”, НОДа и митингов в поддержку присоединения Крыма, апеллируют к “сакральным” для них периодам российской истории - к “святой Руси”/ “Киевской Руси”, крещению Руси, периоду Российской империи (5 %) и к победе в Великой отечественной войне (7 %). Для этой же группы главным негативным историческим событием является перестройка и развал СССР (1991 год) - 10.6 %.

С другой стороны, участники оппозиционных митингов сравнивают современные события на Украине с историей советских вторжений в стране соцлагеря (2 %) и войной в Афганистане (1,5 %). Их тексты напоминают о советских репрессиях (4 %), а также о постсоветской истории репрессий и заказных убийств (4 %), апеллируют к диссидентскому движению (к Сахарову и Гавелу - 3 %).

Две темы одинаково актуальны для обеих групп - и лоялистской, и оппозиционной. Во-первых, прототипическими врагами оказываются “нацисты”, с которыми обе группы сравнивают своих врагов (5 %). Во-вторых, в 3 % лозунгов Сталин оказывается либо образцовым тираном, либо идеальным правителем, противопоставленным нынешним руководителям. Например, в лозунге 1 мая 2015 года было сказано:

*При нем был в труд в чести,
не вор-бездельник,
и у страны на всё хватало денег.
А без него - казна пуста, ребята,
доходы наши у олигархата.*

Революция 1917 и гражданская война не очень популярны в текстах исторических лозунгов (4 %) всех течений. Остальные события российской истории набрали еще меньше упоминаний.

Еще 5 % от общего массива исторических лозунгов не сравнивает современные события с историческими прецедентами, а говорят о “неприкосновенности истории”. На митингах и оппозиционных, и лоялистских можно встретить плакаты с текстами вроде “Нельзя переписывать историю”.

Востребованность в “правильном прошлом” как интерпретационном ресурсе настоящего со стороны разных политических групп привела к бурному развитию грамматики и семантики нового “исторического языка”.

Грамматика исторических парадигм, или как митинги говорят о прошлом

Итак, в последние два года публичный политический дискурс продуцирует множество самых различных высказываний, содержащих историческую парадигму. Адресант сильного высказывания может конструировать отношение “своего” настоящего к прошлому через разные модальности. Однако, как показывают результаты исследования, изложенные в этом разделе, все это множество отношений между настоящим и прошлым может быть описано всего лишь через пять типов исторических высказываний – своего рода простую “грамматику” публичного “языка”.

Наиболее простой вариант разворачивания исторической парадигмы возникает, когда участник митинга констатирует: «я вижу, что ситуация сейчас равна тому, что было в прошлом» (например, *2016 – это новый 1937*). Поскольку он описывает реальность с помощью аналогий, назовем этот тип *дескриптивом*. Он может пойти дальше, и уже не просто описать какое-то событие с помощью аналогии, но выразить свое желание изменить или подтвердить ситуацию. Коротко мы назовем такой тип высказывания *оптативом*, а его формальное описание может быть сформулировано следующими словами «я хочу, чтобы (не)было как раньше» (*Хочу жить на Украине* – по поводу ситуации в Крыму). Следующая “модальность” проявляется в высказываниях, где говорящий апеллирует к известному историческому авторитету. Такие высказывания мы называем *апеллятивами* («я обращаюсь за поддержкой к историческому лицу»; например, *Борис, ты с нами!* – о погибшем Борисе Немцове). И наконец, последний тип уже не описывает явление и не выражает желание его повторить или избежать повторения, а представляет собой действие, или перформативный акт. Например, говорящий приносит извинения за действия в прошлом или, наоборот, выражает позитивные эмоции. Такой тип может быть описан как “я совершаю действие, изменяющее настоящее по отношению к прошлому» и кратко назван *перформативом* (в терминологии Джона Остина)¹⁹. В классической теории речевых актов Джон Остин разделяет высказывания на *констатирующие*, описывающие мир, и *перформативные*, создающие его. Сказавший фразу «Я нарекаю этот корабль именем *Королева Елизавета*» совершает акт присваивания имени, меняющий реальность. Высказывания-сообщения противопоставлены высказываниям-перформативам – перформативы не сообщают, сообщения не действуют. Например, в ноябре 2016 года москвичка стояла в пикете и держала в руках плакат: *В ноябре 1956 года СССР задавил танками революцию в Венгрии. Мне стыдно*. Этот плакат не возник бы, если бы СССР (или Россия как его правопреемница)

---

¹⁹ Austin, John (1962). *How to Do Things With Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955*. Oxford. 1962.

совершил бы в свое время формальное признание вины. Пикетчица приносит извинения за то действия советского правительства и за отсутствие извинений со стороны России и тем самым совершает перформативный акт.

Краткое описание всех пяти типов см. в *Табл. 1*.

Если констатирующие высказывания (*дескриптивы*) только дают оценку настоящему через сравнение с прошлым, то последующие конструкции все более активно нацелены на изменение настоящего: границей, которая отделяет один тип от другого, становится, таким образом, усиление “трансформативного намерения” – желания повлиять на настоящее через прошлое.

Следует обратить внимание на то, что типология высказываний строится не на формально выраженных грамматических показателях «сильного высказывания», а на тех пресуппозициях, которые в них содержатся и которые достаточно легко считываются аудиторией. Понятие пресуппозиции, активно используемое в прагматике и когнитивистике в 60-80-е годы, подразумевает, что кроме “поверхностного смысла”, который можно сложить из суммы отдельных слов в высказывании, существует еще и другой смысл, который адресант сам достраивает, исходя из своего понимания и высказывания, и контекста вокруг него²⁰. Например, на митинге-концерте в поддержку присоединения Крыма, спустя год после аннексии полуострова и введения западных санкций, появился плакат *Рузвельт и Черчилль были умнее*. На формальном уровне смыслов, состоящем из суммы значений слов, нам говорят, что главы крупных держав были умнее – при этом мы не знаем, “кого” умнее. Мы можем предполагать, что речь идет об Обаме. Но причем здесь современная ситуация и Рузвельт с Черчиллем? Плакат может быть понят, только если мы владеем фоновым знанием о переговорах Сталина с Черчиллем и Рузвельтом и дележе послевоенного мира на Ялтинской конференции в Крыму. Таким образом, пресуппозиция, содержащаяся в этом плакате, призывает Обаму (который не назван), поступить так, как его предшественники, а не вступать в конфликт с Россией, преемницей СССР. Таким образом, смысл, определяемый пресуппозицией, можно было бы выразить так: «я хочу, что Обама стал умнее и поступил, как Рузвельт – провел переговоры с Путиным». Другими словами, перед нами – сложная форма *оптатива*.

Особняком от других стоит пятый тип – *рефлексивы*. Высказывания такого типа можно назвать мета-историческими. Они представляют собой не попытку трансформировать

---

²⁰ Lakoff, George (1987). *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. University of Chicago Press.

настоящее через прошлое, а оценку допустимости такого применения истории. Они являются результатом рефлексии по поводу свойств и возможностей истории как инструмента изменений (Табл. 1).

Разберем каждый из таких способов обращения с историей по усилению трансформативной интенции, обращая внимание на сложные случаи.

Дескриптивы: объяснение настоящего через прошлое. К первому и наиболее многочисленному типу исторических публичных высказываний мы относим констатирующие тексты, в которых авторы ищут объяснение текущей ситуации в исторических прецедентах. При этом исторические события и персоналии оцениваются с позиций современных представлений адресанта о норме. Сопоставление между историческим явлением и явлением современности может строиться по нескольким моделям.

Наиболее простая модель – уравнивание объектов прошлого и настоящего по одному или нескольким критериям. Характерным примером такого рода является плакат, зафиксированный на Марше памяти Немцова в 2015 г., *Надя J. d'Arc*, где проводится прямая параллель между Надеждой Савченко²¹, на момент акции державшей голодовку, и французской героиней Жанной д'Арк. Два этих персонажа объединяются по нескольким критериям: «пол», «особенности гендерной саморепрезентации» (обе женщины претендовали на мужскую роль в войне), «героизм», «противостояние оккупантам», «плен», «(неправый) суд», «мученичество» и т.п. В зависимости от того, какими знаниями располагает адресат, экспликация этих смыслов может быть более или менее полной. Принципиальным для его прочтения является только однозначность морально-эмоциональной оценки обществом исторического персонажа или явления, используемого для означивания текущей ситуации. В культуре, где Жанна д'Арк является героем, сравнение с ней дает такую же оценку и Надежде Савченко.

Возможно также противопоставление «желательного» и «нежелательного» исторического опыта. На пикете в Екатеринбурге 2015 года против войны на Украине мирная жизнь одной страны противопоставляется конфликтам, в которые вовлечена другая.

Украина:

---

²¹ Надежда Савченко – офицер Воздушных сил Украины, принимавшая участие в военных действиях, Герой Украины. Летом 2014 года при неясных обстоятельствах Савченко была вывезена на территорию РФ и приговорена российским судом к 22 годам лишения свободы за причастность к убийству российских журналистов. Многие оппозиционно настроенные граждане РФ посчитали осуждение Савченко противозаконным. До того, как Савченко была помилована указом президента РФ (25 мая 2016 г.), состоялась серия пикетов и митингов в ее защиту.

22 года без войн.

Россия:

1992 – Приднестровье,

1994-1996 – Чечня,

1999-2000 – Чечня,

2009 – Южная Осетия и Абхазия²²

Очень часто адресат должен “достроить” смысл высказывания, реконструировав пресуппозицию из контекста общего знания о прошлом и представления о мероприятии, где он участвует. Так, в плакате с митинга-концерта 2015 года в поддержку присоединения Крыма *1991-2014 Третья оборона Севастополя²³* нет прямого указания на исторический опыт, но предполагается сравнение «украинского» периода истории Севастополя с обороной в Крымской войне 1853-1856 гг. и в Великой отечественной войне.

Во всех трех случаях Севастополь отчаянно обороняется (в случае третьей обороны – от Украины), несмотря на превосходящие силы противника. Ровно также для понимания оппозиционного антивоенного плаката *Маленькая победоносная война²⁴ для поднятия престижа? Мы проходили это в 1905 году²⁵* необходимо знать о русско-японской войне 1905 года, и о том, что она закончилась поражением и территориальными потерями.

«Оптативы»: побуждение повторить, изменить, продолжить. В «сильных высказываниях» этой группы выражается стремление/желание изменить настоящее по аналогии с прошлым. Такие тексты рассматривают историю как совокупность закономерностей, которые действовали в прошлом и продолжают действовать в настоящем. Знание этих закономерностей дает основания для уверенных прогнозов о будущем. Типичный пример высказывания такого рода – слоган «Можем повторить», подразумевающий, что говорящий хочет воспроизвести победу во Второй мировой войне и уверен в том, что такое воспроизведение возможно (этот текст возник в 2012 году в качестве праздничной наклейки на автомашины и впоследствии приобрел популярность в качестве

---

²² Плакат с пикета за мир между Россией и Украиной (27 сентября 2015, Екатеринбург) (№ P002124 в базе).

²³ Плакат с акции в поддержку присоединения Крыма (Москва, 18.03. 2015)

²⁴ «Маленькая победоносная война» – выражение, принадлежащее министру внутренних дел России Вячеславу Плеве. В 1904 году министр сказал о надвигающейся войне с Японией: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война». Эта война оказалась для России неудачной, а выражение стало использоваться для обозначения ситуации, когда правительство пытается решить внутриполитические проблемы через внешнюю экспансию.

²⁵ Плакат с оппозиционной акции против войны на Украине «Марш мира» (21 сентября 2014, Москва)

политического лозунга). Как уже упоминалась выше, *оптативы* могут быть не только формально выражены грамматическими показателями, но и вычленяться из пресуппозиций.

Среди *оптативов* весьма распространены тексты, которые содержат в себе угрозу по отношению к подразумеваемому адресату, выражаемую через выстраивание определенного ряда исторических событий (“мы побеждали этого врага в прошлом, и хотим подобной победы в прошлом”). Так, например, во время конфликта с Турцией, когда турецкими вооруженными силами был сбит российский бомбардировщик, а президент Эрдоган отказался извиниться за это, у стены турецкого посольства в Москве появляется плакат, говорящий о постоянных победах России над Турцией в прошлом, и *желающий этой победы в настоящем*:

5 легендарных побед русской армии над Турцией:

1770 – Чесменское сражение, адмирал Ушаков;

1787 – штурм Измаила, Суворов;

1853 – Синопское сражение, адмирал Нахимов;

1877 – битва под Шейново;

1914 – Саракмышское сражение;

2015 – ?²⁶

Иногда на плакате просто представлен ряд цифр: *1612-1812-2012*. Адресат должен реконструировать содержание, исходя из фонового знания. В этом плакате 2012 года с марша националистов предполагается «нумерологическая» закономерность: раз в двести лет группа, с которой солидаризируется автор текста, одерживает победу над врагом, захватившим Кремль: мы освободили Кремль от поляков в 1612 году, от французов в 1812 году и мы *хотим победить* врага, располагающегося в Кремле в 2012 году.

В этой же модели развиваются тексты, которые призывают к восстановлению имевшейся в прошлом желательной ситуации или компенсации нежелательной ситуации тем или иным способом. Предполагается, что восстановление желанного явления (или уничтожение нежеланного) решит проблему в настоящем. Наиболее простым случаем этого типа является призыв к возвращению территорий: во время шествия «Антимайдан» 2015 года был зафиксирован плакат *Пора вернуть Аляску*.

Оптативы становятся весьма популярны в 2011 году (50 %), на акциях оппозиции, участники которых были нацелены на немедленное изменение политической ситуации); в

---

²⁶ Плакат с митинга у Турецкого посольства (26.11.2015, Москва). Митинг произошел после того, как турецкими ВВС был сбит российский самолет.

кризисный 2014 год, после аннексии Крыма, когда возникает ситуация напряженности на международной арене и на Россию налагаются экономические санкции, популярность оптативов сохраняется относительно высокой – 27 %, потом начинает резко падать (Табл. 4).

Однако один вид лоялистских акций сохраняет в себе высокий процент оптативов – это митинги-концерты, посвященные присоединению Крыма, где мы можем встретить много одинаковых текстов – *оптативов*, но написанных как будто бы от руки. Близкое рассмотрение плаката показывает, что “рукописная надпись” на самом деле выполнена типографским способом. Кроме того, один и тот же текст плаката, причем довольно сложный, встречается несколько раз на одной акции, выполненный в разной манере.

Например, на митинге 2015 года в поддержку присоединения Крыма появляется и “псевдо-рукописный”, и печатный текст *Обама! Бери пример с Рузвельта – приезжай в Ялту, поговорим!*. Формально это не оптатив (грамматические показания оптатива отсутствуют), однако он раскрывается следующим образом: «мы хотим повторения успешных (для СССР/России) переговоров 1944 года в Ялте».

В этом плакате Обама помещается в позицию, которая для участников митинга выглядит как проигрышная. В ней реконструируется Ялтинская конференция СССР-США-Великобритании, причем роль побежденной фашистской Германии отводится Украине, а Обама предлагается занять сторону победителя – России, говорящей, как СССР в 1944 году, с позиции силы; имплицитно предполагается, что Путин, как представитель России – правопреемника СССР – выступит в роли Сталина. Дополнительное измерение плакату придает тот факт, что конференция «происходит» в освобожденной Ялте (Обама приглашается в «наш» Крым).

Почему на лоялистской акции в честь присоединения Крыма возникают подобные оптативы, да еще в псевдорукописном виде? Таким образом создается впечатление не только “голоса народа”, но и “его истинных желаний”, которые демонстрируются *urbi et orbi*.

Апеллятивы. *Сильные высказывания, выраженные в апеллятивах, подразумевают обращение к историческому лицу*²⁷. Например, на нескольких плакатах с оппозиционного митинга 2011 года было сказано: *Андрей Дмитриевич! [фото Сахарова²⁸] Вы с нами!*

Однако, кроме прямых апеллятивов, встречаются и косвенные случаи адресации к авторитету. Например, на маршах памяти оппозиционного политика Немцова в огромном

---

²⁷ Под историческими личностями мы понимаем всех значимых для участников митингов деятелей политики, культуры, искусства и проч., умерших к моменту проведения мероприятия.

²⁸ Сахаров Андрей Дмитриевич – известный советский правозащитник, считавшийся в кругах либеральной интеллигенции «совестью нации». В данном случае автор плаката апеллирует к Сахарову не только из-за авторитета этой фигуры, но и потому, что митинг проходит на проспекте имени Сахарова.

количестве присутствовали цитаты из его статей. Таким образом, создавался эффект его присутствия и «выступления» на митинге. Используя портрет и «голос» исторического авторитета, митингующие символически вовлекают его в происходящее в качестве своего сторонника: *“Свежий воздух исчезает, создается затхлая путинская Россия” Немцов Б.Е.*²⁹

Перформативы. Следующий (и самый сложный) тип сильных высказываний с исторической парадигмой выходит за рамки оценки текущей ситуации через прошлое или выражения желания по ее изменению – он сам является действием (*перформатив*). Перформативу обязательно предшествует дескриптив: сначала адресант описывает ситуацию как нежелательную при помощи исторической аналогии, а затем осуществляет перформативный акт по отношению к ней и рядоположенным ситуациям прошлого (например, говорящий извиняется).

К *перформативам* относятся, прежде всего, выражения эмоций или принесения извинений (*Мне стыдно за...*), например, плакат с антивоенного марша *Мне стыдно за 56 г. Венгрия; 68 г. Чехословакия; 79 г. Афганистан; 14 г. Украина*. Такие тексты предполагают, во-первых, что прошлое невозможно изменить, и, во-вторых, что человек, не принимавший личного участия в событиях прошлого, может брать на себя ответственность (и приносить извинение за них) в силу того, что принадлежит к определенной группе. Автор плаката (*Илл. 7*) демонстрирует, что он не поддерживает текущую политику государства, но в силах за нее извиниться (и тем самым дистанцироваться от действий, которые производятся властью от его имени, но на которые он не может влиять). Именно поэтому больше всего таких высказываний мы наблюдали в 2014 году (в 4 раза больше, чем в последующие годы, см. *Табл. 4*), например, на акции “Марш Мира”, которая была вызвана совершенно шокирующей для многих ситуацией военного конфликта с “братской страной” Украиной. Культурный шок был настолько силен, что участники акции не только описывали и оценивали эту ситуацию через обращение к истории, но и стремились максимально повлиять на нее (или дистанцироваться от нее).

Участники лоялистских акций воспроизводят перформативные высказывания с той же частотой, что и оппозиция (*Табл. 3*), однако с противоположным знаком: если для оппозиции характерна артикуляция стыда («Мне стыдно за X»), то для лоялистов – гордости и превосходства («Я горжусь X»). Для таких акций характерны перформативные высказывания *Горжусь победой в войне 1941-1945*, так и по отношению к современной ситуации, например, плакат на митинге-концерте, посвященном присоединению Крыма, в 2015 году: *Гордимся крымчанами! Гордимся страной!* Через эти выражения гордости лояльные власти граждане

---

²⁹ Плакат с Марша памяти Немцова (27.02.2016, Москва).

компенсируют неуверенность в собственной позиции. Одновременно такие утверждающие превосходство высказывания призваны защитить Россию от нападков, которым она будто бы подвергается со стороны развитых западных стран.

Перформативы с признаниями вины и выражениями стыда характерны для оппозиционных акций, а перформативы, показывающие, как мы гордимся за страну – лоялистским. Социальные же митинги таких интенций не имеют совсем (Табл. 3).

*Рефлексивы. Историческая парадигма становится настолько распространенным способом выражения политической позиции, что появляются тексты, осмысляющие эту тенденцию на мета-уровне. В небольшом количестве текстов присутствует весьма специфическое явление – мета-историческая рефлексия (*Нам не нужна альтернативная история*³⁰) участники публичных политических акций обсуждают, что такое история, каков ее авторитет, что такое «желательная» и «нежелательная» история, как ее следует интерпретировать и т.п.: *Хочу учить историю, а не идеологию. Учитель истории: «русские ни на кого не нападали»*³¹.

От дескриптива до перформатива: когда и как мы ими пользуемся. Итак, мы рассмотрели 5 типов сильных высказываний с исторической парадигмой (в кратком виде они представлены в Табл. 1) – от описания исторической аналогии до перформативных высказываний “я совершаю действие, изменяющее настоящее по отношению к прошлому”.

Наиболее распространенным типом исторических высказываний оказывается описание настоящего через аналогию в прошлом (*дескриптив*, 71, 6 %). Этот вариант, по-видимому, наиболее прост для реализации: у аудитории высказываний есть набор представлений о том, какие события/явления прошлого оцениваются положительно, а какие отрицательно, и за счет этого создается интерпретация актуального события.

Оптативы (12, 6 %) и *апеллятивы* (13, 3 %) же являются более сложными по своей структуре, как и апелляция к авторитету: для того, чтобы обе эти формы срабатывали (т.е. вызывали желательную реакцию не только среди «своих», но и для широкой аудитории), необходимо не только общее знание, но и общая оценка содержания и, главное, последствий таких явлений. Например, победа СССР в Великой отечественной войне оценивается положительно почти всеми; однако повторение войны, пусть даже и победоносной, является для многих нежелательным. Поэтому лозунг, призывающий к повторению, встретит меньше отклика. То же самое касается исторических фигур – даже в случаях, когда они известны

---

³⁰ Плакат с акции Народно-освободительного движения. Активисты движения протестовали против конкурса школьных работ о семейной истории (28.04.2016).

³¹ Лозунг с митинга в защиту фонда «Династия» (6.06.2015, Москва). Фонд занимался выпуском научно-популярной литературы, поддержкой образования и науки.

всем, их авторитет значим не для всех групп. Более того – многие будут оценивать эти фигуры по разным связанным с ними фактами (для одних Ельцин – это демократия, для других – развал страны, для третьих – экономический кризис).

Перформативы, как правило, представляют индивидуальный акт изменения настоящего по отношению к прошлому, требующему значительно личного участия: индивид или принимает на «себя» вину государства, или выражает солидарность с его политикой в настоящем и в прошлом. Именно поэтому такие акты столь же редки, как и эффектны (1,5 %).

Табл. 1. Типы исторических высказываний на публичных политических акциях с 2011 по 2016 год

Название и краткое описание (в % от совокупности всех проанализированных сильных высказываний с исторической парадигмой)	Примеры
дескриптивы (71.6 %): явление настоящего сравнивается с явлением прошлого	<i>Сирия – второй Афган?</i> <i>1917 – 20??</i> [сопровождается изображением: Путин в фас и от него тень – профиль Сталина] <i>Режим мучает Россию почти сто лет</i>
оптативы (12.6 %): стремление/желание изменить настоящее по аналогии с прошлым	<i>5 легендарных побед русской армии над Турцией:</i> <i>1770 – Чесменское сражение,</i> <i>адмирал Ушаков;</i> <i>1787 – штурм Измаила, Суворов;</i> <i><...></i> <i>2015 – ?</i>
апеллятивы (13.3 %): обращение к конкретному историческому авторитету	<i>Андрей Дмитриевич, Вы с нами!</i>

перформативы (1.5 %): совершение словом перформативного акта, которые демонстрирует эмоции адресанта по отношению к прошлому в связи с актуальной проблематикой	<i>Мы стыдно за 1939, 1968, 2014.</i> <i>Горжусь победой в войне 1941-1945</i>
*рефлексивы (0.9 %): рефлексия по поводу эксплуатации истории в политических целях	<i>Нам не нужна альтернативная история.</i> <i>Хочу учить историю, а не идеологию.</i>

Зависит ли исторический дискурс от типа политической акции?

Мы рассмотрели семантику и прагматику пяти типов “сильных высказываний” с исторической парадигмой. Мы можем предположить, что на акциях разных политических направлений эти типы исторических высказываний будут использоваться в разных пропорциях.

Как говорилось в начале статьи, доля обращений к истории для описания или трансформации настоящего растет на акциях всех политических направленностей, кроме мероприятий крайне правых и крайне левых движений, начиная с 2011 года по настоящий момент (Табл. 2).

Левые и правые движения выбиваются из общего тренда, хотя, казалось бы, именно эти группы ориентированы на эксплуатацию исторических примеров. В эту группу входят такие разнородные движения, как коммунисты, монархисты, неофашисты и др., практически каждое из которых имеет значительную укорененность в прошлом, нацеленность на реставрацию тех или иных режимов, ориентацию на исторические авторитеты. Тем не менее, для публичного выражения своей позиции они в основном ограничиваются использованием «партийной» символики – красными флагами, имперскими флагами, изображениями свастики и т.п. – и в меньшей степени индивидуальными сильными высказываниями.

Социальные митинги, на первый взгляд, также бедны исторической проблематикой, причем на 40 % обследованных нами социальных митингов исторических плакатов не было вообще (для сравнения, у правых/левых и провластных групп такие случаи отсутствуют, а у оппозиции это значение составило 8 %). Однако у них имеется важная особенность – почти в половине случаев исторические высказывания содержат своего рода призыв к сохранению

и/или реставрации желательного прошлого: будь то советская система здравоохранения или архитектурное наследие.

Таким образом, рост исторических парадигм особенно интенсивно происходит на акциях для двух типов – лоялистских и оппозиционных.

Табл. 2. Исторические плакаты на митингах (доля от всех зафиксированных сильных высказываний)

типы акций % сильных высказываний с исторической парадигмой	2011	2014	2015	2016
оппозиционные митинги	5 %	12 %	8 %	13 %
лоялистские митинги	нет данных	нет данных	10 %	29 %
социальные митинги	нет данных	3 %	6 %	13%
левые/правые силы	нет данных	7 %	6 %	3 %

Табл. 3. Типы исторических высказываний в плакатах по типам митингов (доли от общего количества исторических плакатов)

типы исторического высказывания / тип акции	<i>дескрип тив</i>	<i>Оптативы</i>	<i>апеллятивы</i>	<i>перформат ивы</i>	<i>*рефлексивы</i>
оппозиционные митинги	31 %	19 %	47 %	2 %	2 %
лоялистские митинги	61 %	25 %	7 %	2 %	3 %
социальные митинги	26 %	51 %	17 %	0 %	6 %
левые/правые силы	32 %	14 %	55 %	2 %	0 %

Табл. 4. Динамика изменения исторических высказываний оппозиционных митингов от совокупности исторических текстов оппозиционных митингов за год

типы исторического высказывания / динамика	2011	2014	2015	2016
дескриптив	12 %	48 %	41 %	17 %
оптатив	50 %	27 %	15 %	9%
апеллятив	31 %	19 %	39 %	73 %
перформатив	0 %	4 %	1 %	1 %
*рефлексив	4 %	2 %	3 %	0 %

Исторические высказывания на лоялистских митингах. Лоялистские митинги демонстрируют большую насыщенность сильными высказываниями с историческими парадигмами и их количество растет к 2016 году (Табл. 2) – гораздо более эффективно, чем для других групп митингов. Причиной такого роста стало сочетание двух факторов.

С одной стороны, это “положительное подкрепление”, полученное в 2014 и 2015 году: целевая аудитория высказываний на лоялистских митингах максимально позитивно восприняла исторические параллели, возникшие при осмыслении войны на Украине. Так, провластный и пророссийский медийный нарратив 2014 года (в разгар острой фазы конфликта) был насыщен сообщениями о буквальном, физическом включении истории Второй мировой войны в актуальные события: от обнаружения останков солдат при рытье окопов в Донецкой области до использования в боях за Л/ДНР снятых с постаментов танков-памятников Т-34 и ИС-3. Сообщения о том, что “история за нас”, вызывали энтузиазм у сторонников отделения Донбасса от Украины.

С другой стороны, лоялистского направления наблюдается дефицит повестки, обращенной в будущее. Как правило, участники таких акции призывают воспроизвести опыт советского/имперского прошлое.

Кроме дескриптивов (что ожидаемо) среди лоялистских высказываний преобладают *оптативы* (Табл. 3). Во многом это связано с тем, что официальный дискурс последних лет ориентирован на поиск авторитетов в прошлом (прежде всего, в истории Второй мировой войны). Лоялисты ориентированы на *прецедент победы*.

Ядро проанализированных нами провластных митингов составляют активисты Народно-освободительного движения (НОД), целью которого является «восстановление суверенитета» России, «утраченного» в 1991 году. Именно для этого движения советское прошлое и Великая отечественная война становятся важным символическим ресурсом. Участники НОД прибегают к историческому коду не только в вербальных, но и в артефактных и акциональных высказываниях. На своих акциях нодовцы носят военную форму прошлых лет и коллективно исполняют советские песни под гармонь – действие, которое можно интерпретировать не только как воспроизведение ритуалов советских массовых праздников, но и как отсылку к устойчивому образу «советский солдат в Берлине, поющий на улице под гармонь» (можно вспомнить несколько известных фотографий мая 1945 г., на которых советские солдаты с гармонью поют песни на улицах Берлина). Пение советских песен подобным образом в Берлине 1945 г. было актом символического утверждения победы над столицей Германии. Такое же действие, совершаемое в Москве в 2015 году, не просто цитирует известный исторический кадр, но и вовлекает участников и

слушателей в повторении ситуации победы. Так удовлетворяется желание чувствовать себя победителем.

Подобную практику материальной реализации памяти через действие, ассоциирующее тебя с героем прошлого – в данном случае с победителем – мы назвали *перформативной коммеморацией*³². *Воспоминание через повторение*³³ активно развивается с 2014 года и становится приемлемой формой для городских праздников (9 мая), так и для политических акций НОДа.

Использование артефактов и моделей поведения, связанных со «священной войной» при перформативном воспоминании повторением, дает активистам лояльного толка санкцию на применение символического, вербального и в предельных случаях – физического насилия. Например, НОДовцы облили зеленкой участников конкурса «Человек в истории», организованной обществом «Мемориал»³⁴, которое они считают «пятой колонной». Во время этого действия они были одеты в полную военную форму 1940-х годов и держали «знамя Победы». Защита сакрализованными историческими символами легитимизирует применение насилия.

Исторические высказывания на оппозиционных митингах. Историческая парадигма на оппозиционных акциях тоже была востребована, хотя и не в таком масштабе, как у лоялистских акций, в 2014 и в 2016 годах.

Расцвет оппозиционных исторических высказываний в 2014 году связан с шоком, вызванным войной на Украине и присоединением Крыма. Для этих событий, никак не соответствующих “горизонту ожидания” аудитории³⁵, нужно было найти подходящий интерпретационный шаблон. Потребность в объяснительных схемах усиливалась неоднозначностью медийного освещения конфликта: это гражданская война или подавление террористических группировок? Внутреннее дело Украины или необъявленная украино-российская война? Выход из этой неопределенности и был найден в исторических аналогиях – на оппозиционных митингах конфликт стал описываться как явление имперской/колониальной политики России.

В 2016 году возникает новый всплеск исторических высказываний, на этот раз – *апеллятивов*. Конечно, поиск авторитета (см. *Табл. 4*, графу «апеллятивы») был актуален

---

³² Arkhipova, Alexandra, Doronin, Dmitry, Kirzyuk, Anna, Radchenko, Daria, Sokolova, Anna, Titkov, Alexey & Yugay, Elena (2017). *Op. cit.*

³³ Oushakine, Sergey. Remembering in Public: On the Affective Management of History. In: *Ab Imperio*. 2013. No. 14. pp. 269–302.

³⁴ «Мемориал» – научно-просветительское и правозащитное общество, чьей целью является сохранение памяти о жертвах политических репрессий советского периода. В настоящий момент «Мемориал» признан «иностранным агентом».

³⁵ Koselleck, 1995. *Op. cit.*

для оппозиции на протяжении всего рассматриваемого периода: на Болотной площади и проспекте Сахарова в 2011 году участники акций обращались к самым разным историческим личностям – от писателей Герцена и Довлатова до Махатмы Ганди и Сахарова, а в 2014 г. протестующие практически полностью сфокусировались на литературных авторитетах. Однако, после гибели оппозиционного политика Бориса Немцова в 2015 году, его образ и высказывания все больше становятся символическим ресурсом. Немцов становится своего рода «оппозиционным Лениным», а марши памяти Немцова – самими многочисленными акциями оппозиции. В результате именно апелляция к его авторитету становится важным способом манифестации собственной позиции участника митинга.

Параллельно росту значимости авторитета исторического деятеля снижается (довольно резко) желание изменить настоящее через прошлое. Группа *оптативов*, которая в 2011 году составляла 50 % исторических высказываний, к 2016 году становится практически невидимой. Ориентация на прошлое оказывается, по-видимому, скомпрометированной провластными группами.

«Новый язык» для описания новой реальности: заключение

Протесты зимы 2011-2012 годов были направлены на изменение текущей или будущей ситуации (изменение результатов выборов в Думу, попытки повлиять на выборы президента, противостояние зависимости административного ресурса от желаний власти и т.д.). Поэтому множество плакатов было построено по схеме «Долой X» или «не признаем Y», то есть выражали желание реальных политических изменений. В 2012-2013 году происходит слом «языка протеста».

Во-первых, множество бывших участников акций 2011-2012 годов приходит к убеждению, что добиваться изменения политики власти по крайней мере, бессмысленно, а в крайнем случае, еще и опасно. Как сообщил нам в 2013 году информант, участник белоленточного протеста в 2011-2012 годах: *Все стало только хуже, потому что мы его [то есть Путина] разозлили*³⁶.

Во-вторых, значительно меняется сам политический контекст. Сложная социополитическая ситуация 2014-2016 гг. – украинский конфликт, аннексия Крыма, экономические санкции, военные действия в Сирии и т.д., – не является морально однозначной ни для одной из политических сил.

---

³⁶ Интервью с участником протестов А.А., жителем Москвы, 48 лет. Записано Александрой Архиповой.

Именно поэтому возрастает потребность в создании «нового языка» – и для того, чтобы описать актуальную повестку, и для того, чтобы определить свое отношение к ней – участники публичных политических акций ощущают необходимость опереться на признанный своей референтной группой авторитет или отсылку к историческому событию. Это заставляет их активно обращаться к прошлому, желательно, «сакрализованному». Поэтому исторические высказывания составляют довольно значительный процент от всех собранных нами «голосов» публичных акций, при этом частота употребления возрастает после 2014 года, когда происходит перелом в геополитической ситуации.

Все митинги объединяет примерно одинаковая историческая повестка. Актуальные события сопоставляются в них с внешнеполитическими ситуациями прошлого: войнами, международными конфликтами и конкуренцией. При этом ядром исторических апелляций всех политических активистов становится история СССР начиная со сталинских репрессий 1930-х гг. и вплоть до распада Советского Союза и его оценка – от “империи зла” до “великого государства”. Упоминания о внутренних конфликтах (в том числе, революции, гражданской войне 1918-1922 гг., гражданских протестах второй половины XX века (“диссидентство”) и т.д.) практически не встречаются в корпусе данных. Наибольшая напряженность исторического поиска наблюдается на двух важных полюсах политического спектра – среди лоялистов и оппозиционных групп. Именно они в наибольшей степени чувствуют необходимость объяснять происходящее и привлечь к себе сторонников при помощи использования морального авторитета (в т.ч. исторического). Однако они реализуют эту стратегию эксплуатации истории по-разному.

Лоялистским движениям не нужна авторитетная фигура исторического деятеля – такая фигура у них есть среди действующих политиков. Однако им необходимо легитимизировать свои действия, в том числе, насильственные – как на уровне атак на небольшие оппозиционные акции, так и на уровне государственной политики. Прежде всего они обращаются к символическому ресурсу победы во Второй мировой войне, однако и другие события российской истории также привлекаются для того, чтобы подтвердить или опровергнуть право на обладание территорией, необходимость интервенции в локальный конфликт и т.п. Исторические дескриптивы, оптативы и перформативы становятся для них *оправданием агрессии и защитой от внешнего врага*, поэтому при нападении на сотрудников “Мемориала” участники движения НОД надевают военную форму времен Второй мировой войны, тем самым легитимизируя свои действия.

Оппозиционные группы еще более явно утрачивают «трансформативную интенцию», которая отчетливо фиксировалась во время протестов 2011-2012 гг. Отказываясь от «наступательной войны», они стремятся к конструированию устойчивой позиции

(«удерживанию моральных рубежей») и *обвинению* власти с помощью исторических аналогий. В качестве символического ресурса для легитимизации этой позиции используются апелляции к погибшему Борису Немцову.

История в публичных политических высказываниях – это не столько требование настоящих политических изменений в настоящем и будущем (хотя такая интенция в исторических высказываниях есть), сколько инструмент для обозначения своей политической идентичности (своей «линии фронта»): «с кем я», «кому я верю», “кто мой враг” и, наконец, *hier stehe ich und ich kann nicht anders*.